

Наташа Труш
День свалившихся с луны

Наташа Труш

День свалившихся с луны

«Издательские решения»

Труш Н.

День свалившихся с луны / Н. Труш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832518-2

А что было делать?! Что делать ей, если годы уходят, а ей захотелось, чтобы все было, как у людей? Банально? Банально! Но жизнь очень часто состоит из таких вот банальностей: уютный дом, любимая работа, заботливый муж, здоровые дети. Перечислять можно долго. Но нужно ли? Нужно ли, если все это перечеркнуто одним только заявлением Мишеньки — большого ребенка ее любимого Васи Зиновьева. Нет, Даша не осуждала его за это. Потом поймет. Правда, для Даши это «потом» может быть очень поздно...

ISBN 978-5-44-832518-2

© Труш Н.
© Издательские решения

День свалившихся с луны

Наташа Труш

*«Самого главного глазами не увидишь»
Антуан де Сент-Экзюпери*

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4483-2518-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Даша Светлова открыла свой электронный ящик. В нем снова было письмо от Поля Лежье – француза русского происхождения, с которым Даша познакомилась в Интернете. Она собиралась в Париж, и планировала, наконец-то, посетить Сент-Женевьев-де-Буа. В Париже Даша уже бывала, а вот до кладбища, где упокоились сотни русских, нашедших после революции приют во Франции, добраться никак не могла. Все руки не доходили. Вернее, ноги.

Вот и искала она в Интернете людей с похожими интересами. А нашла Поля Лежье. Он прилично говорил и писал по-русски. Еще бы! У него ведь, как у многих французов, была русская бабушка. Но самое главное – он жил в Сент-Женевьев-де-Буа!

«В том самом?!» – с удивлением спросила Даша. «Именно! И я Вам непременно его покажу, если Вы приедете в Париж!» – написал ей Поль.

Так в программе Дашиного отпуска кроме выставок, музеев, приемов, встреч и, конечно же, магазинов, появился знаменитый парижский пригород и знакомство с симпатичным французом Полем Лежье, которого воспитывала русская бабушка.

Надо сказать, бабушкино русское воспитание в этом французском мужчине очень чувствовалось. Он сумел покорить Дашу своей галантностью и обходительностью в общении. К тому же Поль Лежье был очень симпатичен. И Дарья даже думала, что при взаимной симпатии она, наверное, смогла бы сорваться с насиженного места и уехать в Париж навсегда. Там у нее друзья, а теперь вот еще и воздыхатель Поль – мужчина с ослепительной улыбкой и прозрачной голубизны глазами.

И письма он ей пишет приятные. Не какие-то отписки «Привет! Как дела?», а обстоятельные и длинные, в которых он рассказывает ей про работу, про дела фирмы по производству спортивного инвентаря, какие-то тонкости в различных спортивных снарядах, и про то, что их мешки для кикбоксинга – лучшие в мире.

Он не оставлял без внимания и Дашины письма, подробно отвечал на вопросы и расспрашивал ее о новых выставках. А еще о том, что сегодня модно коллекционировать. И особенно лирично – о дождливой осени в Петербурге, которая совсем не похожа на парижскую осень, сухую и теплую.

«...Еще моя бабушка рассказывала про то, что это самое неприветливое время в ее русской жизни. Монотонные дожди, выстукивавшие свою музыку по жести крыш, приводили в трепет и особое творческое состояние поэтов и художников. Они часами могли стоять под зонтами на набережных, глядя, как длинные водяные стрелы легко входят в воду, растворяясь в ней, и утекая по рукаву Фонтанки или Мойки. А им, детям, в дождь запрещалось гулять. Потому что было холодно и зябко, и в лужах мгновенно промокали боты, и за всем этим следовали кашель и насморк, и визит доктора, который ставил страшные банки на спину.

А вы любите осень?...»

Даша не любила осень. Безрадостный пейзаж за окном навевал тоску и уныние. Природа то ли засыпала, то ли умирала. Время останавливалось.

Все лето жирный мерзкий паук с желтым крестом на спине плел за Дашиным окном паутину. Едва заметные нити протянулись из угла карниза к форточной петле. Скрепленные между собой поперечными стяжками, липкие волокна были почти незаметны. И только после дождя четко прорисовывался за стеклом аккуратный и правильный чертеж. Он напоминал тонкую вышивку серыми нитками, с густо нанизанными на них прозрачными бусинами. На стеклярусное чудо можно было любоваться до тех пор, пока капли воды не высыхали на солнце.

Все лето в паутину попадали заблудшие мухи. Приклеиваясь крыльями к липким невидимым ниткам, мухи отчаянно били лапками, но освободиться не могли. Зато колебания паутины улавливал ее хозяин. Он резво выскакивал из своего укрытия под карнизом, словно на коньках скользил к пленнице и убивал ее.

Под осень паутина во многих местах была порвана ветром, и паук постоянно штопал ее. Она уже не была так красива после дождя. В переплетениях запутались желтые листочки и сухие трупики мух, и даже бабочка с обтрепанными крыльями.

Кроме большого паука в сетке появилось несколько паучат, которые весь день сновали по родительским владениям, сталкивались друг с другом, устраивали бои, сплетаясь в клубок.

С наступлением холодов молодежь куда-то исчезла, а старый большой паук влез в щель форточки, где и вознамерился найти себе покой, но был выцарапан из укрытия когтистой лапой огромного рыжего кота. Кот все лето наблюдал за беспокойной жизнью паука, скреб стекло, но не мог добыть насекомое. И только осенью ему повезло.

Паук упал на подоконник и устал побрел, словно слепой, натываясь то на поддон цветочного горшка, то на угол оконной рамы. Кот выжидающе наблюдал за ним, иногда поправляя лапой серую живую горошину на тонких ножках-крючках. Он ухмылялся в усы, гоня паука, а потом скатил его на пол. Паук уже не шевелился. Его скрюченные лапки плотно прижались к сухому тельцу. Может быть, он просто хотел обмануть кота, притворяясь мертвым, но кот не оставлял игрушку. Он подкидывал шарик, гонял его за диваном, а потом закатил паука в ворс ковра, откуда долго и упорно выкусывал застрявшее в нитях насекомое. Пауку уже было все равно. Его уже не было. Кот вяло пожевал чудовище и потерял к нему интерес. А паутину за окном унесло с первыми порывами сильного ветра...

Даша закуталась в теплый халат и вышла на лоджию. Внизу гудела мусороуборочная машина. Рабочий в синем комбинезоне прицеплял к грязному борту сразу два контейнера, они опрокидывались с жутким грохотом и вываливали в крутящееся страшное нутро машины очередную порцию бутылок, коробок, фантиков и прочей дряни.

Не смотря на то, что стеклопакет лоджии не пропускал запахи, да они и не долетали до двенадцатого этажа, Дарья недовольно сморщила симпатичный носик. Воздушное существо, каким была девушка Даша Светлова, было сродни бабочке, а от бабочки какая грязь?!

Дашино существование на белом свете было почти стерильным. Она редко обедала дома, практически не готовила, и мусор выносила раз в неделю – крошечный пакетик, в котором умещались баночки от полезных биойогуртов и шоколадные обертки.

Впрочем, последние попадали в мусорное ведро крайне редко, да и то по рассеянности, свойственной творческим натурам: по детской привычке Даша аккуратно собирала фантики от конфет и шоколадок и складывала их в большую коробку. Привычка эта сохранилась с детства. Фантики были любимой Дарьиной игрой. У нее их было не так много, но зато какие!

Летом, когда Дашка была маленькой, ее отправляли погостить к бабушке, которая жила в крошечном поселке Мурино. Ничего ровным счетом там не было, кроме сельсовета да маленькой железнодорожной станции. Поезда на ней останавливались только местные, а скорые проносились, как им и положено, очень быстро, без остановок.

Летом в вагонах были открыты окна, и Дарья махала проезжающим рукой. А потом шла вдоль по железке, выискивая на шпалах и в траве у рельсов яркие конфетные обертки. Главное, чтобы бабушка не прознала, что ее опять на дорогу носило, а то специально для этого случая у бабки в кухне на стене висел старый ремень с пряжкой, которым она обещала драть Дашку, как сидорову козу.

Вот так под страхом смертной казни Даша собирала фантики для своей коллекции. Дома она тщательно разглаживала мятые бумажки, рассматривала картинки, отмывала их от грязи, сушила, и, наконец, складывала в большую коробку из-под зефира.

Коробка ей тоже досталась таким способом. Ее выбросили из проходящего поезда, она долго катилась, гонимая ветром, и застряла в высокой траве, где ее и нашла Даша. В коробке было пусто, только бело-розовые крошки какой-то далекой вкусной жизни и запах...

Ах, какой это был дивный запах! Позже Дарья, очень чувствительная к ароматам, научится легко распознавать любимый белый Кензо, и запросто узнавать его среди всех остальных. И тонкий полет арабики и круассанов с шоколадной начинкой в кафе на Елисейских полях ей тоже будет знаком. Но этот нежный бело-розовый запах навсегда останется в памяти запахом ее, Дашкиного, не очень радостного детства...

По возвращении домой, она хватала свою драгоценную коробку, и бежала к лучшей подружке, живущей через две улицы в частном доме. Людку на лето никуда не отправляли, поэтому фантики у нее были только от конфет, которые продавались в местных магазинах.

Людка с завистью смотрела на Дашины новые приобретения и тяжело вздыхала: у нее *таких* никогда не будет!

Откуда ей было знать тогда, что пройдет не так много времени, и она сможет покупать самые дорогие на свете конфеты в самых красивых фантиках! Людка удачно выскочила замуж за незаметного и не очень успешного мальчика в их школе, а он вдруг, как по волшебству, но не без помощи влиятельного дяди в Москве, сделал стремительную карьеру, и вскоре отбыл с семьей во Францию с дипломатическим паспортом в кармане.

Подружки не потерялись в этой жизни и переписывались. Сначала Дашка получала письма в красивых конвертах со слюдяным окошечком, потом электронные письма.

Несколько лет назад они встретились в Москве. Расплакались от радости. До глубокой ночи сидели в номере гостиницы, и говорили, говорили... Дашка, смеясь, рассказала подруге, что до сих пор по старой привычке собирает фантики от конфет.

– Счастливая, – грустно сказала Люда. – А у меня куда-то ушло. Просто сразу так много всего появилось, что не до бумажек стало. А помнишь, как я украла у тебя «Мишку на Севере», ты стала отнимать, и мы чуть не подрались?! Но самое страшное, фантик с белым мишкой порвали, и потом обе над ним плакали. И даже склеили его, только он уже был не таким красивым.

– Помню...

Уезжая из Москвы, Дашка преподнесла подруге подарок: большой пакет с конфетами.

– Неужели «Мишка»?! – спросила со смехом Людмила.

– Он самый! – Дашка поцеловала подругу на прощанье. – Отвези вашему Ванечке, он таких, наверное, не пробовал. Правда, Люд, они сейчас совсем другие, не такие вкусные, как были тогда.

– А ты их пробовала тогда? – задиристо спросила Людка. – Ты ж тот фантик на рельсах нашла!

– Ну, да, нашла! Но он даже запах другой имел, чем эти. Но все равно отвези. А потом расскажешь ему, как мы с тобой чуть не подрались из-за этого «Мишки»!...

Мусоровоз загреб последние отходы жизнедеятельности людей, проживавших в ее, Дашкином доме, и уехал. Дарья услышала, как характерно пискнул ее ноутбук, и подошла к столу: на мониторе компьютера вспыхивала оранжевым цветом короткая строчка – к ней в аську ломился кто-то неизвестный. Дарья присела на стул-вертушку и щелкнула мышкой.

Его звали Франк. Голландец из Хелмонда предлагал Дарье пообщаться. Он писал на русском, но вполне сносно. Он дотошно выяснял, когда Даша хочет поехать в Париж, в каком отеле планирует остановиться, какие достопримечательности хочет посмотреть.

Попутно он сообщил, что не женат, но регулярно посещает свою подружку Сигрен в Бельгии, что работает два дня в неделю – возит детей из местной школы в бассейн и обратно, а остальное время занимается собственным самосовершенствованием: учит языки, путешествует, танцует аргентинское танго, воспитывает кота Томми, и летает на «параглайде». Черт его знает, что это такое! Но на фото, которое Франк прислал тут же по «мылу», эта штука выглядела вполне симпатично – разноцветное шелковое «крыло», парящее в небе.

Сам мужчина Даше не приглянулся: нечто худенькое и субтильное. Впрочем, он ведь предлагал подружиться, чтобы изучать русский язык и путешествовать вместе, поэтому внешность его большой роли не играла. К тому же он тут же сообщил, что в Париж прихватит свою Сигрен, так что, считай, все точки, где надо, расставлены с первой минуты. Правда, кто их знает, этих голландцев, с их свободной любовью, с кварталами «красных фонарей» и прочими излишествами! Даша девушкой была хоть и современной, но придерживалась традиционных взглядов на взаимоотношения полов.

Впрочем, может быть, она поспешила с выводами, и голландец действительно предлагал «пообщаться по-дружески», и более ничего. Поживем – увидим.

Вечером Даше позвонил Зиновьев.

– Как ты, девочка? Как настроение? – прочирикал он по привычке.

Его голос прозвучал на фоне уличных шумов, и Даша поняла, что ее благодетель отправился на прогулку со своим любимым бассетом Мамочкой. Он всегда гулял с ним сам, и как-то признался Даше, что действительно любит только ее и Мамочку.

Таким странным совсем не собачьим именем бассета назвала дражайшая супруга Зиновьева, Кира Сергеевна: она ненавидела свою давно ушедшую в мир иной свекровь и всех собак на свете, и потому отыгралась на ситуации, когда муж принес в дом беспомощного складчатощкурого шена с длинными ушами.

– Ты сошел с ума! Собаку! В дом! У нас паркет из африканской сосны! Убирайтесь вон оба! – орала в запале жена Василия Михайловича, размахивая у него под носом кухонным полотенцем.

– Ты, похоже, забыла, что дом этот не совсем твой. А еще правильной – это мой дом, – жестко оборвал ее Зиновьев, больно перехватив руку с тряпкой.

Щен, как и положено малышу, без устали наливал лужи на дорогуший паркет, Кира Сергеевна тыкала его мордой в мокрое, и, вспоминая, как муж заботливо менял пеленки под умирающей свекровью, зло нарекла пса «Мамочкой». Она не выносила его и называла «безногой собакой»!

На самом деле бассет был мужиком, и очень скоро свое мужское естество он с удовольствием демонстрировал не только пробегающим мимо собакам, но и хозяйке дома, как будто всем своим видом говоря: «Вот смотрите: кобель я, а не Мамочка!»

Странно, но муж вдруг полюбил это имя, и совсем забыл, что бассета зовут гордо и красиво – Луи-Гранд-Леколь-Бобби-Шарм... и дальше что-то еще «бла-бла-бла». На фига такое имя, если ни на выставки, ни на элитное супружество псину не готовили?! Он был Мамочкой, нежнейшим существом на свете для Васи Зиновьева. Целуя пса в лобастую голову, он закрывал

глаза и вспоминал, как счастлив был в своем детстве, когда не стеснялся слез и прижимался нежно к женщине, пахнувшей корицей и еще какими-то неведомыми ему пряностями.

Он заметил за собой, что с годами стал сентиментальным, что очень часто ему приходится задирать голову в небо, дабы не дать пролиться каким-то предательским слезам.

Он не печалился по этому поводу. Наоборот, ему приятно было сознавать, что у него есть душа. Она тепло ворочалась где-то между сердцем и желудком, устраиваясь поудобнее, после произведенного ею переполоха. Он ощущал ее присутствие под слоем накопленного за последние годы жира.

Осознав, что, дав имя Мамочка ушастой псине, Кира Сергеевна Зиновьева тем самым потрафила ненавистному супругу, женщина перестала называть его так. Она специально выучила его настоящее имя и орала на бассета в минуты раздражения, посылая на все титулы его коронованных родителей.

Увы, бассет не очень на это реагировал, как будто и не желал понимать ту, которая с раннего детства возила его мордой по мокрому паркету. Кусаться Мамочка не мог, просто не умел. Зато он классно научился вытирать испачканную кашей морду о вещи хозяйки дома. Очень ловко это у него получалось проделывать с замшевыми сапогами горластой тетки.

Ну, а если она начинала заниматься рукоприкладством, то Мамочка поступал просто и сердито: он задирает лапу не только на ее сапоги, но и на ее ноги, обутые в изящные тапочки с пушистыми помпонами.

Облить злую мегеру он всегда старался в присутствии хозяина. Во-первых, он при этом заливался смехом и выговаривал супруге, что она сама виновата – пнула Мамочку утром в прихожей.

Во-вторых, хозяин не давал в обиду Мамочку. Более того, он тут же находил время для внеплановой прогулки, нацеплял на пса поводок, и они уходили из дома. При этом Зиновьев не забывал кинуть на прощанье женщине «Не кипи!», а когда захлопывалась за ними дверь, тихонечко добавлял: «...дура!».

Она уже не заламывала руки и не просила его «унять безмозглого пса!» В этой войне Кира Сергеевна проиграла. Муж не только не поддерживал ее. Он сумел против нее объединиться с ненавистной ей животиной.

– Ты гуляешь с Мамочкой? – спросила Даша.

– Да. Хочешь, приезжай к нам, – ласково сказал Зиновьев. Он знал, что Дашка любит Мамочку, а вислоухий платит ей тем же. Во всяком случае, на Дашу Мамочка ни разу не задрал лапу. И морду свою слюнявую о подол ее модных платьев пес не вытирает. А когда она кладет ему на голову свою узкую ладошку, он блаженно закрывает глаза. И даже такую вещь, как «самолет» – это когда длинные бассетовы уши растягивают в разные стороны, и морда становится похожей на авиалайнер с крыльями, – он Дашке позволяет с собой проделывать.

– Вас обидели? – ласково спросила Дарья.

– Как всегда, – грустно ответил Зиновьев. – Приезжай, а? Даш, мы тут долго будем гулять, а потом посидим где-нибудь. – Ему очень хотелось сейчас увидеть эту славную девочку, которая, как когда-то мама, и, как вот сейчас Мамочка, умеет понимать его.

– Хорошо, я приеду, – решила мгновенно Даша. К Василию Михайловичу Зиновьеву у нее были чувства – целая гамма чувств. За те годы, что они были знакомы, они прошли все стадии отношений между мужчиной и женщиной, а разница в возрасте еще добавила красок в эти чувства. Главное, что они все эти годы оставались исключительно добрыми и светлыми.

– Ну, мы ждем тебя, – повеселел Зиновьев. И сказал Мамочке:

– Дашка едет!

Мамочка радостно залаял: имя Дашкино он хорошо понимал. Кто сказал «безмозглая скотина?!» Еще какая умница! Или умник?! Да какая разница: понимает – и все тут!

Даша быстро переделалась: вынырнула из теплого домашнего халата и влезла в родные всесезонные джинсы и теплый пушистый свитер. Потом посмотрела на термометр за окном и достала из шкафа в прихожей элегантную куртку – сверху кожа, внутри – норка. Кто бы мог подумать, что норку будут вот так носить – шиворот-навыворот! Были времена, когда женщины на норковую шапку целый год копили деньги, потом доставали через знакомых грубо сработанный, жесткий и смешной, как кастрюля, головной убор, носили по праздникам и гордились этим произведением искусства неизвестного мастера-скорняка. Сегодня такие шапки давно вышли из моды. А норку скорняки уверенно выворачивают мехом внутрь и шьют из нее легкие шубки, греющие тело и душу.

Потом она красиво подвела губы перед зеркалом, прошла мягкой кисточкой по щекам и подбородку, привычным движением руки собрала волосы в хвост и небрежно заколола их на затылке. Машинально надела на тонкие пальчики тонкие золотые колечки: у каждого было свое привычное место, и без них Даша чувствовала себя совсем неуютно, как голая.

«Ну, вот, вроде, все», – подумала про себя, проверяя на месте ли ключи от машины, документы, кошелек, перчатки, расческа.

Черный Сузуки Гранд Витара во дворе ласково «мякнул», приветствуя Дарью, отключившую сигнализацию, и уже через минуту, шустро лавируя между беспорядочно припаркованными автомобилями, рвался на свободу.

Зиновьева Даша увидела издалека. Они с Мамочкой просто стояли на газоне, где собак выгуливать строго запрещалось, и смотрели на дорогу, в ту сторону, откуда и могла появиться Дарья Светлова.

Даша остановилась у обочины, подмигнула фарами Зиновьеву. Он дернул за поводок, что-то сказал собаке. Мамочка развернулся мордой навстречу Даше, которая уже выбиралась из машины, задрал голову и радостно залаял.

– Ну, что ты так радуешься, дурашка? – Даша легко перебежала дорогу и ткнулась своим носом в щеку Зиновьева. – Мы вот сейчас с твоим хозяином куда-нибудь пойдем кофе пить, а тебя в машине оставим! Переживешь?

– Переживет! Здравствуй, милая! – глаза у Василия Михайловича заблестели от радости.

Ему наплевать было на то, что в щелочку между плотно задернутыми шторами на них сейчас смотрит его жена. Она давно все знает, и даже злорадствовать на эту тему не пытается. Если проделки Киры Сергеевны в отношении Мамочки вызывают у Зиновьева смех, то из-за Даши он вполне может показать нелюбимой супруге небо в алмазах, и она это хорошо знает.

– Если не замерзла, давай чуть-чуть погуляем, – Зиновьев взял Дашу за руку, увлекая ее за собой. В сквере он отстегнул поводок, и Мамочка потрусил по дорожке, задерживаясь у каждой скамейки, у каждого кустика. Он аккуратно задирает лапу через каждые три метра.

– Смотри, Михалыч, ему писать уже нечем, а он все метит и метит! – смеялась Даша.

– А знаешь, почему песики поднимают лапу? – спросил Зиновьев.

– Нет! А ты?!

– А я знаю! Я же грамотный собаковод. Или собаковод?? – Зиновьев остановил Дашу, взял ее руки в свои, и, глядя ей в глаза, сказал серьезно:

– Однажды пес пристроился совершить свою малую надобность у забора, – тут Зиновьев сделал паузу, и Даша в нетерпении потрясла его за руки, но он специально тянул. – Ну, вот... а забор на него упал! – Даша расхохоталась. – С тех пор собаки поднимают лапу – забор придерживают!

Зиновьев тоже засмеялся.

– Дашка, ты такая красивая и так хорошо смеешься.

Даша внимательно посмотрела на него.

– Я очень старый? – грустно спросил Зиновьев.

– Ты мудрый. – Даша поправила на его шее мягкий шарф и подтянула повыше молнию на куртке. – И добрый.

– Ты не ответила...

– Я не хочу отвечать на этот вопрос. – Даша поморщилась. – Зачем много раз говорить о том, что очевидно: человеку столько, сколько он сам себе начисляет. А если не начисляет, то вот тут и приходит старость. Ты всегда говорил, что рядом со мной молодеешь. Что изменилось?

– Ты благородна, моя девочка. – Зиновьев погладил ее по щеке и заправил за розовое ухо выбившуюся из хвоста светлую прядку волос.

– Я просто люблю тебя. – Дарья положила руки ему на плечи.

– Любишь, как... как кого? – Зиновьев внутри сжался, боясь услышать от нее что-то, что ранит его.

– Просто люблю. И все. – Даша прижалась своим холодным носом к его щеке. Он задрал голову в небо, чтобы она не увидела, как заблестели его глаза.

– Все, Дашка, я заморозил тебя! Нос, как ледышка, – он оглянулся, свистнул. Мамочка выскочил из кустов, и понесся к ним. – Ну, что, малыш, посидишь в машинке или под столом в кафешке?

Пес склонил лобастую голову на бок, вслушиваясь в слова, и затрусил по дорожке на выход из сквера. Зиновьев с Дашей двинулись за ним следом.

– К Саше? – не то спросила, не то сказала Даша.

– Да, к Саше.

Они любили это маленькое уютное кафе неподалеку от Сенной. Заведовал им старый друг Зиновьева – Саша Никитин. Кафе было не для всех. Да все сюда и не ломались. Пива в нем не подавали, музыка сумасшедшая не играла.

Саша – человек вполне обеспеченный, держал заведение исключительно для друзей, которые тут собирались просто поговорить, обменяться новостями. Сюда несколько лет назад Зиновьев привез околевшую от холода Дашку, которую приметил на Невском.

Он тогда прогуливался по той стороне проспекта, которая при артобстреле была наиболее опасной – об этом туристы читали полустертую надпись на памятной доске на одном из домов. Следом за ним по проезжей части медленно и печально полз его белый Мерседес – такая вот прихоть была у Зиновьева: зимой он хотел ездить на белоснежной машине. Впрочем, тогда он мог уже позволить себе даже серо-буро-малиновый в крапинку, если бы захотел.

У Василия Михайловича Зиновьева в жизни было все. Неугомонная юность, когда он не хотел работать, как все за сто рублей на заводе, а хотел на себя, сделала его «цеховиком». Ладно скроенные по импортным лекалам джинсы разлетались по всей стране, что в пору тотального дефицита приносило баснословные прибыли. Вася на этом вырос, и одним из первых на российских просторах стал называться не нашим словом «бизнесмен»!

За джинсами были видеомагнитофоны, за ними компьютеры и программное обеспечение к ним. Потом было даже какое-то серьезное вооружение, которое Вася умудрился купить за копейки, модернизировать и продать китайцам. Но это было уже потом, с величайшей осторожностью, с учетом полученного в жизни урока, который Зиновьеву преподали в местах не столь отдаленных.

А в конце 80-х джинсовый бизнес Василия Михайловича Зиновьева, на который буквально молились модники и модницы, остановили. Правда, при обыске нашли не так уж много: все движимое и недвижимое было записано на кого угодно, только не на бизнесмена Зиновьева.

И с деньгами облом вышел: несколько десятков тысяч долларов – вот и весь навар, который сняли с «дяди Васи». Да и те он «добровольно сдал». Но восемь лет бог знает, за что, Василий Михайлович все же схлопотал.

Сидел смирно и не дергался. Снискал славу справедливого и мудрого. Тайнами своими ни с кем не делился. И когда вышел на свободу, приобрел не только чистую совесть, и опыт – плох тот «цеховик», который не отсидел за свое ноу-хау, – но и уважение серьезных людей, которые помогли Василию Михайловичу хорошо пристроить сбереженные денежки. «Балт-ТранзитБанк», у руля которого, правда, в тени, поставили «дядю Васю», на ногах держался крепко.

Сейчас у Василия Михайловича Зиновьева была пора, как он сам говорил, «глубокой мужской зрелости», когда не надо было скакать за каждой идеей, способной принести прибыль. Идеи сами плыли к нему в карман, а он еще смотрел, какая интересна банку, а какая – не очень.

Обдумывал идеи Василий Михайлович Зиновьев всегда на ходу, а поскольку ходить ему, в общем-то, было некуда, он устраивал пешие прогулки по центру города.

Вот и тогда он шел медленно, заложив руки за спину, как артист Евстигнеев в роли профессора Плейшнера, слегка наклонившись вперед, и думал о том, принимать ли предложение хитрющего жука Устиновича, который вдруг решил продать Зиновьеву землю под гостиничный комплекс. То упирался рогами, как баран, а тут вдруг согласился. Как-то это не очень нравилось Василию Михайловичу, и, прежде чем соглашаться, надо было все хорошо взвесить. И проверить. Но не с той стороны, с которой Устинович наверняка все предусмотрел, а с какой-нибудь другой, чтобы узнать истинное положение дел с этим спорным земельным участком.

Остановила Зиновьева и буквально сбила с мысли какая-то импровизированная выставка картин: они были расставлены прямо на тротуаре, прислонены к стене дома, развешаны на деревянных стойках под зонтиками, под навесами, спасавшими их от снега. Василий Михайлович присмотрелся, углубился во дворик, где было продолжение выставки.

Белый Мерседес мгновенно припарковался у обочины, из него вышел высоченный Витя Осокин – верный помощник и телохранитель Зиновьева.

Смешно, да? «Хранитель тела»! Да, ни фига смешного! Это без телохранителя сегодня дяде Васе было бы «смешно»!

Витя пробирался за «телом» в плотной толпе зевак, боясь потерять его из вида. И едва не сбил Зиновьева с ног.

...Он стоял у трехногого раскрытого мольберта, на котором были развешаны крошечные картинки в изящных рамках. С картинок на прохожих смотрели симпатичные кошечки, собачки, и еще какие-то бурундучки и хомячки. У них были живые глаза. Хорошо прописанные, с мокрым блеском, они притягивали к себе, как притягивают на улице прохожих коробки с живыми котятками и щенками, или клеточки с живым товаром в зоомагазине.

Витя никогда не видел у своего хозяина такого лица. Он трогал картинку руками, наклонялся к ним, чтобы разглядеть поближе, чуть не нюхал. А потом перевел взгляд на девушку, которая продавала их.

– Это ваши работы? – спросил он у девушки.

– Мои, – ответила она, стуча зубами. На ней была куртка, старенькая, с капюшоном, какого-то жуткого цвета застиранных синих семейных трусов эпохи развитого социализма, сильно поношенные джинсы, смешные туристские ботинки – «турики».

– А зовут Вас как, милая барышня? – Вите показалось, что Зиновьев жутко смущается, и потому выбрал для общения такой тон – старосветский какой-то, если такой на самом деле существует.

– Дарья, – ответила девушка.

– Вы замерзли? – снова спросил Зиновьев.

Она кивнула в ответ. Он видел, как она постукивает ботинком о ботинок, ежится, и дует в рукава куртки, в которые буквально втянула по самые кончики пальцев свои худые, как веточки, руки.

– Я покупаю все, что вы продаете, – решительно сказал Зиновьев. – Какая цена вас устроит?

– Я не знаю, – засмушалась художница. – Я оптом не продавала еще!

Зиновьев достал из внутреннего кармана пальто бумажник, открыл его, и вытащил все, что в нем было.

– Вот, этого хватит? – Даша увидела в его руках с десяток столлларовых купюр.

– Ну, что Вы! Это много! – Даша взяла три бумажки. – Вот этого хватит за работу, – сказала она и спрятала деньги в карман.

– А это – на теплые ботинки, – улыбнулся Зиновьев и сунул ей в карман остальное. – А сейчас, Витя, собирай все, помоги барышне, и мы едем к Саше!

– Что Вы, я никуда не поеду! – возразила, было, Дарья, но Зиновьев перебил ее:

– Не бойтесь! Саша – это мой друг, у него тут неподалеку кафе, где вы отогреетесь и расскажете мне о себе. Годится?

Она почему-то сразу поверила ему, ну, что с ней ничего плохого не случится. И весело ответила:

– Годится!

Они просидели тогда у Саши до глубокого вечера. Он сам приносил им крошечные чашечки с дымящимся кофе, незаметно обновлял пустые. Потом перед Дарьей появились тарелки с салатами и чем-то безумно вкусным мясным и рыбным. Она освоилась и уничтожала еду быстро и чисто. Правда, как отметил про себя Зиновьев, не жадно, хотя девушка очень хотела есть. Она делала это удивительно элегантно, если слово это к заморышу в старой болоньевой куртке вообще можно было применить. Но это было так.

Даша рассказывала Зиновьеву о том, что больше всего на свете она любит рисовать. Что все это с детства. В детстве она собирала красивые фантики. Подружка – тоже. И чтобы понравившиеся картинки без обид были и у той, и у другой, Дашка срисовывала их с ювелирной точностью, до последней буквочки. Тоненькие кисточки делала сама: выщипывала из хвоста чучела белки несколько волосков, аккуратно связывала их ниткой, и этим приспособлением рисовала.

– А купить кисти не пробовали?

– Ну что Вы! Разве *такие* купишь! Это ж когда было! Сегодня художнику раздолье – чего только нет, а тогда многое приходилось придумывать.

Зиновьев вспомнил, как сам изобретал способы изготовления «вареных» джинсовых штанов и рассмеялся.

– Да, согласен!

Он спросил ее про родителей. Девушка нахмурилась и стала рассказывать, что жила с мамой и папой в маленьком северном городке, куда они приехали из Ленинграда еще до ее Дашиного рождения – зарабатывать деньги. Тогда многие за «длинным рублем» по северам мотались.

– У нас была очень дружная семья, – говорила она, рассматривая свои длинные пальцы, испачканные красками. – Наверно, я была бы самой счастливой девочкой на свете, потому что мама и папа безумно любили меня, но когда я училась в десятом, случилась беда: они возвращались из отпуска и погибли в авиакатастрофе...

Дарья на минутку умолкла. Потом подняла глаза на собеседника, как бы проверяя его реакцию на сказанное. Зиновьев внимательно смотрел на нее.

– Ну, вот... я окончила школу и приехала в Ленинград. Здесь у нас была комната в коммунальной квартире, где я теперь и живу. Прилепилась к группе художников. Они не приветствовали мое появление. Но и не гнали. Тем более, я заняла свою нишу. То, что я делаю, не очень интересно. От настоящего искусства далеко. Поэтому той ревности, которая бывает у людей моего круга, ко мне ни у кого нет. Пишу свои картинки, продаю их. Участвую вот в таких выставках, как сегодня. Этим и живу.

Она рассказывала свою историю, привычно привирая там, где надо. Она уже несколько лет жила по этой легенде и ее все устраивало. Ей верили.

Впервые сегодня она почувствовала, что этот дяденька с улицы ей не верит! Они оба понимали это: он – что она врет, она – что он это хорошо чувствует. Но Остапа, как сказали классики, уже понесло, и ее несло и несло.

Она рассказывала, он слушал. А что собственно еще надо? Он захотел купить ее картинки. Не он первый, не он последний.

Картинки и, правда, симпатичные. Силой никому их не навязывают, цены не заламывают. Дяденька сам ей заплатил куда больше, чем она хотела. Ну, так это его личное дело. Сейчас вот обогреются, она поблагодарит его за все, и расстанутся.

Зиновьев достал из кармана баночку с леденцами. Он старательно отучался курить и поэтому, нет-нет, да и хватался за это спасительное средство. Он наблюдал за руками девушки. Пальцы, испачканные краской, обнимали чашку с горячим чаем, которую ей по ее просьбе принес Саша. Изящные такие пальчики, тонкие. Их не портили ненаманикюрные, просто по-домашнему обрезанные ноготки. Зиновьев протянул свою руку и погладил ее пальцы. Они были горячими.

Зиновьев откинулся на спинку стула и решительно сказал:

– Все это очень интересно! Но и ты, и я – мы оба знаем, что ты сейчас просто сочиняешь. А теперь попробуй рассказать мне все, как есть.

Даша вспыхнула слегка, а потом рассмеялась и сказала:

– Догадливый вы человек! Первый раз со мной вот так. Но коль вы у меня необычный оптовый покупатель и вообще благодетель, вам я расскажу. Почему сочиняю? Да просто все. Самой противно вспоминать свою жизнь. А слезам не только Москва не верит. Питер не проще в этом отношении. И лимитчиков в нем не любят. Хотя, если так разобраться, за что?! Кто за брошенными вами – коренными жителями, – вашими стариками, какашки в дурдоме убирает? Мы, приезжие! Кто строит этот город? Снова не вы! Кто его от мусора убирает? Вы вот кем работаете? Вижу, что не дворником! А я за маленькую служебную комнатку город подметаю. Нет, я не жалею. Я знала, на что шла. Мне надо было уехать из дома...

Сколько Даша себя помнила, перед глазами была одна и та же картинка: грязная нора в деревянном бараке, по самые стекла занесенном снегом зимой, и с распахнутыми, провисшими на одной петле окнами, летом. Вечно косые родители. Такие же пьющие вусмерть соседи. Не только по бараку – по всей улице, а как выяснилось позже – по всему городку.

Пили по разному поводу и без повода. Особенно любили свадьбы и похороны. Свадьбы случались редко: молодые и не очень молодые «сходились» без лишних церемоний. Расписались – и хорошо.

А вот похороны были куда чаще. И на похороны можно было явиться без приглашения, не то, что на свадьбу. А разницы в сущности никакой.

Первую пили за усопшего или усопшую, вторую за это же, а с третьей забывали, зачем собрались. Орала за столом, как резаные, ругались, и пили-пили-пили... Наконец, напивались до кондиции, будили пьяного гармониста, совали ему в руки инструмент и начинали исполнять застольные песни.

Дашка нередко засыпала под вопли пьяных родителей, которые, вернувшись из гостей, продолжали банкет в их полуподвальной комнате. Напившись, родители отчаянно, но злобно дрались, потом мирились со слезами и признаниями в любви, и без усталости занимались любовью, не обращая внимания на Дашку.

Она рано поняла, что это такое – «заниматься любовью», и само это слово вызывало в ней жуткое отвращение. Было в нем что-то скотское, омерзительное. Когда в седьмом классе Дашке признался в любви мальчик из параллельного класса – подбросил ей записку в карман пальто, – она пришла на свидание за тем, чтобы отвесить ему пощечину.

Мальчик обиделся, убежал и больше никогда к ней не подходил. А она, как не хотела извиниться, не могла себя перебороть.

Мальчишки, узнавшие про такой ход конем, к Дашке с «любовью» старались не приставать, хоть и нравилась она многим.

Когда Даша начала немного понимать, что к чему, ей стало невыносимо стыдно за своих родителей. Особенно, когда в школе классная руководительница Вера Александровна пыталась делать ей какие-то поблажки: то бесплатные завтраки в буфете, то билеты на цирковое представление. Все дети сдавали деньги, а Даше, когда та приносила примятый рубль, добытый у отца, она говорила:

– Даша, тебе не надо сдавать деньги, у тебя бесплатный завтрак и билет.

Дашка вспыхивала, рубль прятала в карман передника, а на завтраки и представления старалась не ходить. Ей казалось, что все на нее пальцем будут показывать: «Эй! Смотрите! Вот она – „бесплатница“! У ее родителей рубля нет для ребенка!»

Никто, конечно, ничего подобного никогда не говорил, но Дарья не верила, что так не думают о ней, и потому защищалась, как умела.

Дома она горько плакала, уткнувшись носом в угол старенького продавленного дивана. Диван был ее единственным личным местом в убогой норе. На нем она спала, на нем делала уроки, забравшись с ногами и устроившись на диванном валике с тетрадкой и учебником.

На ночь она застилала диван старым вылинявшим покрывалом, которое ей по ее просьбе иногда стирала соседка тетя Дуся, искренне жалеющая девочку. У тети Дуси была неслыханная для их барака роскошь – стиральная машинка, поэтому тетя Дуся не драла руки в кровь над проржавевшей общественной ванной, а заводила дребезжащий агрегат, и стирала весь день не только на свою семью, но и на подруг, которые слезно просили ее «пропустить» на машинке громоздкие пододеяльники.

Тетя Дуся не отказывала никому. К тому же соседки за работу приносили ей не только стиральный порошок и мыло, но и что-нибудь вкусенькое к чаю.

Дашке тетя Дуся предлагала свои услуги бесплатно. Просто один раз она увидела, как Дарья пытается постирать свои тряпки в тазике.

– Даш! Ну, чё ты мучаешься?! Давай, кидай свои постирушки в кучку, я их мигом пропущу.

Даша сначала застеснялась, но желание спать на чистом было выше неудобств, и она притащила тете Дусе свои нехитрые пожитки. Удивительно, как она, живя практически в свинарнике, который мать не убирала вообще, смогла вырасти аккуратисткой и чистюлей!

Тот самый сэкономленный рубль Дашка однажды пыталась неловко сунуть в руки тете Дусе. Женщина расплакалась, а потом шумно высморкалась в передник, и отругала Дашку:

– Чтоб я этого больше никогда не видела, слышишь?

– Слышу...

– Не хочешь быть обязанной, тогда в день стирки приходи и крути ручку, отжимай белье.

И Дашка приходила, и отжимала белье, которое надо было запускать между двумя резиновыми валиками. Поворот ручки, и с обратной стороны белье вылезало полусухим многослойным языком.

Дашка была безумно рада тому, что тетя Дуся стирает на нее не «за просто так». У нее уже тогда выработалось стойкое чувство долга, в отличие от ее родителей, которые понятия об этом не имели.

Дашин отец Леха Светлов безумно любил ее мать – неудавшуюся актрису Танечку. После театрального училища она приехала в этот маленький северный городок, работать в местном театре. Уже через неделю познакомилась на танцах с парнем, обычным работягой с завода. Любовь закрутилась такая, что Танечка обо всем на свете забыла.

А зря. Режиссер театра – похотливый кобель Роман Кабилло, не пропустивший за свою «творческую жизнь» ни одной юбки, сначала дал ей возможность почувствовать себя в профессии. У нее были роли, в том числе и главные. А когда жертва «заглотила крючок», Роман Кириллович сделал ей предложение, от которого она никак не должна была отказаться – путь на сцену должен лежать через постель режиссера.

Танечка отказалась. И не в том дело, что Кабилло был похож на хорька, и от него всегда чем-то мерзко воняло. Просто, у Танечки была любовь, Алеша Светлов. И заявление в ЗАГС они уже отнесли.

Подружки-актрисульки ей нашептывали, мол, плюнь, никто ничего не узнает, а не пере спишь с Кабилло – пропадешь, как актриса.

Танечка была гордой и неподкупной. Режиссеру она прямо принародно сказала, что спать с ним не будет. И вывалила на него принародно же кучу причин отказа. В куче этой кроме жениха Алеши Светлова, была ее неприязнь к похотливой морде Кабилло, его вонючести, нечистоплотности.

– И вообще, – закончила свою пламенную речь Танечка. – будешь приставать – пожалуюсь.

Она тогда и не предполагала, что жаловаться на режиссера ей некуда. У похотливого, похожего на хорька, Кабилло, в их занюханном городке все «было схвачено».

А вот Танечка подписала смертный приговор актрисе, которая была в ней. Кабилло тогда лишь плотоядно усмехнулся, что не предвещало ничего хорошего, а уже через неделю на Танечку обрушилась первая неприятность: ее заменили сразу в двух спектаклях.

Режиссер расправился со своей жертвой очень быстро. Уже через год Танечке ничего не оставалось, как покинуть театр. Никто не гнал, но оставаться смысла не имело. И она ушла. Ушла с гордо поднятой головой. А дома разрыдалась и выпила первый раз в жизни.

Потом Танечка Светлова немного успокоилась, поскольку была беременна и все равно рано или поздно ей пришлось бы уйти с работы. Ее не покидала мысль, что все это, как и беременность – временно.

Потом родилась Даша, Таня увлеклась живой куклой, забыла о своей актерской карьере. Но, как выяснилось, только на время.

Дашеньке исполнилось два годика. Ее взяли в ясли-сад, а Танечка снова пошла в театр. Ей казалось, что все забылось, что режиссер прекрасно понимает, что такую одаренную актрису, как Таня, на улицу нельзя выгонять. Но не тут-то было. Роман Кабилло встретил ее не ласково. Более того, сказал такие слова, от которых у Танечки поплыло все перед глазами.

– Ну, что, кошка драная?! Снова на поклон к хорьку похотливому пришла? А я не забыл, как ты тут зубки свои скалила! Не-е-е-ет! «Хорек» хоть и не волк, но сожрать тебя сумеет. Тебя в захудалый дом культуры в этом городе не возьмут!

Сказал, как отрезал. Хуже. Как выстрелил в упор.

И ведь так и оказалось. Сколько Танечка не обивала порог управления по культуре – ее словно не слышали. О славе молодой актрисы тут никто не знал, а слезы ее не могли пронять чиновников.

Дома ее утешал любимый муж Алеша, и ласково льнула к ногам маленькая Дашка. Но в душе у Танечки что-то словно сломалось: она не слышала ни увещаний Алеши, ни жалобных поскуливания дочки. Она пила. Горько и страшно. Просто вливала в себя содержимое принесенной домой бутылки.

Алеша тогда хорошо зарабатывал на своем заводе, денег Светловым хватало, и Танечка могла покушать спиртное ежедневно. Что она и делала.

Ее путешествие в «никуда» происходило так стремительно, что уже через полгода ее не узнавали соседи. Но самое страшное было в том, что абсолютно не пьющий до этого Алексей тоже стал пить.

Сначала он делал это для того, чтобы Танечке меньше досталось. Потом из солидарности. Потом – наперегонки.

Денег стало не хватать, так как на своем заводе Алеша из передовиков скатился в отстающие. С утра, после пьянки, он устало шлепал в свой цех, хмуро косясь на стенд «Они позорят наш завод». Его фотография, и злая карикатура рядом, не сходили с этой «доски почета».

Таня пыталась поработать уборщицей в садике, но оттуда ее вскоре попросили, так как она умудрилась напиться среди бела дня, и чудом не придавила ребенка, распластавшись в коридоре на сыром полу.

Ее вторая работа – на рынке, пришлась ей больше по душе. С утра она бойко работала, а потом поддавала вместе с хозяевами – азербайджанцами. Но и оттуда ей вскоре пришлось уйти, так как горячие парни хотели от Тани «любви», а она по-прежнему верность Алеше хранила.

Наверное, тогда в ней еще много хорошего оставалось, коль не могла изменить мужу даже по пьянке. Но водка медленно, но верно выжигала все человеческое в Светловых. И скоро у Тани не осталось, как говорила бабушка Наталья, мать Алеши, «ни стыда, ни совести».

Алеша еще краснел и пытался защищать Таню от нападков матери, но потом махнул рукой, а скоро и сам допился до края. Нячиться с ним на заводе устали, и показали, где – бог, а где – порог.

Так Дашка осталась сиротой при живых родителях. Можно было бы уехать к бабушке, но в поселке у нее ничего, кроме железнодорожной станции не было. А учиться как?

У бабушки была корова, и раз в неделю она выбиралась в город, привозила продукты и немного денег. Для Даши. Дома оставлять ни продукты, ни деньги было нельзя, и бабушка отдавала все это соседке тете Дусе, которая Дашке стала самой родной. После подружки Людки, конечно.

Даша ждала и не могла дождаться, когда закончится учеба, чтобы можно было пойти на работу и как-то начать нормально жить. Ей жалко было мать и отца. Она не могла без слез смотреть на фотографии, на которых они, такие молодые и красивые, держат за ручки ее, Дашу. Она много раз пыталась достучаться до них, но все было напрасно.

Порой у отца были проблески сознания, и он плакал, обнимая дочь. И ей тоже было солено от слез, которые катились по щекам прямо в рот. И в такие моменты ей казалось, что эти ее детские слезы разжалобят мать и отца. И завтра они проснутся трезвыми, и скажут: все! И начнется у них новая, хорошая жизнь.

Но с утра родители просыпались с больными головами, с синими лицами, и начинали спешно собираться на поиски денег. Они давно забыли о постоянной работе. Искали такую: отработал – получил.

Самое странное, что заметила Даша, когда стала постарше: они и в таком виде очень любили друг друга. Правда, водка свое дело сделала: это была любовь не людей, и даже не животных, а каких-то существ. Странная, выжигающая все до дна, всепоглощающая. О том, что в их пропитых организмах живет именно большая любовь, Даша видела по их глазам. Правда, проблеск любви быстро затягивало пьяным туманом, но то, что удавалось ей разглядеть, называлось именно так – любовь.

Даша заканчивала десятый, когда умерла бабушка Наташа. От нее остался в деревне большой дом, корова, огород, несколько стогов сена, дрова да баня. На Дашу навалились проблемы со всех сторон: экзамены, похороны, продажа деревенского бабушкиного хозяйства.

Пока бабуля была жива, Даша думала только о том, как получит аттестат, и на все лето уедет к ней. За лето они решат, что ей делать дальше, как жить. Бабушка обещала через соседей устроить ее на учебу или работу в другом городе.

– Набедовалась девка, хватит! – говорила бабка Наталья. – Батьку с маткой все едино – не спасти от зеленого змия, поэтому нечего тебе с ними жить! Устроим в другом *городе*, и точка! Я хоть помру спокойно...

Но померла она не так спокойно, как мечталось. Дашка осталась совсем не пристроенная в жизни. За одно бабушка могла быть спокойна – ни капли в рот Дашка не брала, ни кобелей до себя не допускала. Тут уж материнская кровь. Как не ругала бабушка Наталья невестку, но отдавала ей должное: сына ее, Леху, артистка Танька любила по-настоящему, не шляется с кем попало. Да и пить стала по причине верности своей. Такая вот история.

«Хотя, – порой думала бабка Наталья, – лучше б ты, девка, дала тогда разок этому кобелю грязнозадому, Ромке-режиссеру. Голова б не отвалилась от этого, да и, глядишь, не запили бы вдвоем...»

Экзамены Даша сдала хорошо, хоть горе захлестнуло ее с головой. Родители, услышав о том, что бабушка Наташа ушла в мир иной, запили по-черному. На похороны поехать не смогли, да Даша этому только рада была. То, что бабуля так рано отправилась в «могилевскую губернию», во многом были виноваты отец с матерью. Из-за них она сердечными болями не первый год маялась.

Зато через пару недель, слегка трезвые, они явились в деревню, «за наследством». ногом были виноваты сын с невесткой. «таша ло ее с головой.. а ее, леху, де.

е лето уедет к ней. именно любовь. вь, Даша видела Даша уже там жила. На выпускной бал она в городе не осталась. Смешить людей в стареньком платье? Нет уж! Аттестат получила, нехитрые свои пожитки собрала, с Людкой и тетей Дусей попрощалась – и уехала в Мурино.

Хотела в бабушкином доме поселиться, да побоялась. Все казалось ей, что бабушка не на погосте упокоилась, а невидимой тенью по дому бродит. И хоть не было у нее роднее человека, стала она шараться от бабушкиного дома.

Соседи по деревне, те самые, которые обещали бабушке Дашу в большой город отправить, приняли ее как родную. Все хозяйство, что от бабули осталось, они готовы были купить. На том и порешили.

Когда Дарьины родители в деревню заявили, там уж все было сделано. Никакого наследства им не полагалось. И хоть Дарье не было еще восемнадцати лет, и полгода положенных не прошло со дня смерти бабушки, глава сельсовета Степан Мартыныч все оформил так, как надо.

Родители даже на кладбище не пошли. Выпили в бывшем бабулином огороде привезенную с собой бутылку водки, оборвали весь лук с грядки, и уехали, не попрощавшись.

А Даша еще через недельку появилась в городе. В сумочке у нее лежали документы, среди которых новенькая сберегательная книжка с немалой суммой денег, и билет на поезд до города на Неве.

Она в этот день походила по магазинам, купила себе новую обувь и одежду и пришла к подруге Людмиле.

– Уезжаешь?

– Уезжаю...

– Напишешь?

– Конечно...

– Пашке что-нибудь передать?

– Передай, что он хороший...

Весь десятый класс за Дашей ухаживал Паша Рябинин, одноклассник. Может быть, она бы ответила на его любовь, но от слова этого шарахалась, как от чумы. Из-за «любви» мать в свое время села на стакан, забыв о муже и ребенке. Да и физические проявления этой самой «любви», которой Даша насмотрелась в детстве, не привлекали ее, а отталкивали.

Поэтому, ухаживания Паши Дарья аккуратно отвергала. Он не понимал, почему. И однажды она ему сказала:

– Я никогда!... Ты понимаешь? Никогда не смогу ответить тебе «любовью»!!!

Пашка даже предлагал Даше уйти из дома, и жить у них. И даже с мамой своей, учительницей русского языка и литературы из их школы, Марией Антоновной, договорился.

А Даша расплакалась, и еще больше замкнулась.

– ...Передай, что он очень хороший. И пусть он будет счастлив...

Она переделалась у Людмилы во все новое, выбросила свои заношенные тряпки в ящик у помойки, последний раз посмотрела издали на окна своего барака. В их комнате рама болталась на одной петле, и противно скрипела. Она скрипела так уже лет десять. По осени отец захлопывал ее намертво, обещая починить... в следующем году, да и забывал. До рамы ли было...

Потом, стоя у вагонного окна, она смотрела, как убегает под горку, скрываясь за сосновым бором, ее город. Ей жаль было расставаться с Людмилой, она чуть не расплакалась на плече у всхлипывавшей и дрожащей толстой тети Дуси. И все. Родителей тоже было жаль, но как-то по-другому. Не объяснить как. Больше было горечи за украденное ими детство. И в какой-то момент промелькнуло даже однажды услышанное от бабушки – «уж лучше б она дала этому режиссеру...».

В тощеньком чемоданчике, с какими дети ездят в пионерский лагерь, у Даши было спрятано все ее немудреное богатство: несколько книжек, полотенце, зубная паста, щетка, старенькое вылинявшее покрывало с дивана, и новенькое белье, на которое потратилась в универмаге. Да, еще коробка из-под зефира, в которой Дашка везла в незнакомый далекий Петербург свои красивые фантики...

Поезд прибыл на Московский вокзал рано утром. Даша, шурясь от яркого солнышка, робко вышла на полупустой перрон, и чуть не задохнулась от красоты. Это потом, прожив в этом городе много лет, она поймет, что такое солнечное утро – большая редкость в этом городе. И ей будет казаться, что тем далеким июльским днем ей сама судьба улыбнулась.

Ее никто не встречал. Так договорились. Но ее ждали. И когда она нашла нужную ей улицу, и нужный дом, и позвонила в квартиру, ей открыли сразу.

– Ждем-ждем, – раскинув руки, встречал ее хозяин дома. – Ну, проходи-проходи, Дарья Алексеевна.

– А Вы – дядя Боря! – радостно ответила Даша.

– Он самый! И хороший знакомый ваших деревенских друзей. С Семен Игнатьичем, что домик Вашей бабушки купил, мы когда-то в тайге вместе работали... Так, ну, разговоры потом! Тамара! – крикнул дядя Боря в глубину квартиры, и оттуда тут же выплыла тетя Тамара. Именно «выплыла», и не иначе. Была она холеная и гладкая, с красивой прической в этот утренний час. И в шелковом красном халате, с китайскими иероглифами и драконами.

«Вот! – подумала про себя Дарья. – У меня такой же будет!»

– Здравствуйте, барышня! – сказала хозяйка дома красивым басом. – Какая ж вы премиленькая!

Тетя Тамара поцеловала Дашу в обе щеки. Нет, не поцеловала, прижалась носом. И этот жест Даша запомнила. Навсегда. Она никогда с той минуты не целовалась при встрече с друзьями и знакомыми, а просто прижималась к щеке носом. Кокетливо так, нежно и аккуратно.

Вообще, то, как Дашу встретили ленинградцы, совершенно ей не знакомые, отложилось у нее в голове навсегда. Люди, которые совсем не знали ее, были с ней милы и общительны.

Даша отдала им сумку с подарками от деревенских друзей. Они разбирали ее, и восторгались всем, что извлекали на белый свет.

– Ой, медок! Деревенский! Янтарный! – щебетала тетя Тамара. Она, кстати, тут же поправила Дашу, и сказала, что дома у них не принято называть друг друга «тетями-дядями». Она – Томочка, а он – Борюсик.

Ну, против Томочки Даша ничего не имела. А вот называть лысого дядю Борю Борюсиком...

Тамара увидела ее замешательство, и быстро нашлась:

– Если хотите, можете называть его по отчеству – Борисом Ефимовичем. Годится?

– Годится, – улыбнулась Даша. «Борис Ефимович» – это нормально, это не Борюсик.

– А мы Вас будем величать Дашутой! – пропела Томочка. – Борюсик! Покажи Дашуте ее комнату!

Так Даша поселилась в этом чудном доме. Борис Ефимович Климов работал в каком-то научно-исследовательском институте. Томочка была певицей. Где она работала, Даша так и не узнала. А вот как поет – слышала много раз.

У Климовых через день собирались гости. Томочка слыла хлебосольной хозяйкой. К ней с утра приходила из соседнего дома приятельница Виолетта, и они самозабвенно стряпали такие вкусности, что от одних запахов у Дарьи голова кружилась. А названия какие! Она и не слышала, что такие блюда могут быть в природе.

Буквально в первый же день, когда вечером к Климовым пришли гости по случаю приезда Даши, Виолетта поставила девушку в тупик своим вопросом. Раздавая кусочки курицы, она спросила у Дарьи, какого мяса она желает – белого или красного?

В принципе, Дарье было все равно – курица – что с головы, что с хвоста – курица! Но надо было как-то ответить. А она не знала, что сказать.

Спасла Дашу Томочка.

– Виолетта, положи Дашуте ножку! Ну, право дело, что ты спрашиваешь? Как будто не знаешь, что дети в курочке любят исключительно ножку! Когда у нас рос Вовочка, Борюсик думал, что курочки вовсе безногими продаются. Так как ног он не видел никогда!!!

Гости посмеялись. На Дашино смущение никто не обратил внимания. А она усвоила еще один урок: в курочке самое вкусное – ножки! И вообще, по-ленинградски правильно не «курица», а «кура», или «курочка».

У Климовых Даша прожила почти месяц. Можно было и дальше жить, Томочка и Борюсик только рады были. Их сын Владимир работал на севере, дома появлялся два раза в год. Все

остальное время его комната, в которой временно жила Даша, пустовала. Да и вообще у Климовых площади хватало.

Но Дарья, поотдыхав с недельку, взялась за трудоустройство. При этом она категорически отказалась от прописки в доме Климовых, хоть они и предлагали ей. Борис Ефимович говорил, что с пропиской она сможет устроиться на хорошую работу. «На какую хорошую? – подумала про себя Даша. – У меня образования нет. Нет уж, начну сама и с самого нуля».

Это она и сказала Климовым.

– Хорошо, Борюсик, раз девочка хочет – пусть пробует. Помощь понадобится – мы всегда готовы. – Томочка по своей привычке нежно ткнула носом в Дашину щечку.

Дарья решила сильно не морочить себе голову поисками работы, и пришла в ближайшую жилконтору по объявлению.

– На работу возьму – дворники во как нужны! – домоуправ Клавдия Ивановна Петренко рубанула себя ребром ладони по шее. – Вот только с пропиской надо чуток подождать, месяца через два лимит будет. А комнату служебную хоть сегодня занимай. Вот адрес – иди и живи.

Она выдвинула ящик стола, выбрала связку ключей, на которой белела бирка с адресом, и пристукнула ею по столу:

– Обустраивайся!

Даша тут же отправилась смотреть свое жилье. Четырнадцатиметровая комнатка в коммуналке оказалась чистенькой и уютной. По сравнению с «апартаментами» Даши, в которых она жила в бараке с родителями, это жилье было просто идеальным. Конечно, комнату не сравнить было с квартирой Климовых, но Даша и не сравнивала. Она была счастлива, почувствовав, что у нее начинается настоящая самостоятельная взрослая жизнь, с этой вот комнатки в питерской коммуналке.

Соседями Даши оказались беззлобный алкаш дядя Петя Синицын – сантехник того же ЖЭКа, в который пришла работать Даша, старенькая, но еще бойкая бабушка Евдокия Дмитриевна, которую дядя Петя звал «Евдохой», и семейная пара – Алла Сергеевна и Юра.

Последних Дашка приняла за маму и сына, и, видя, как Юра ухаживает за Аллочкой, что-то такое выдала на этот счет. Проходивший мимо в кухню с кастрюлькой дядя Петя коротко хохотнул, и толкнул Дашку. Она поняла, что сморозила что-то не то и прикусила язык.

Позже на кухне, когда кроме нее и дяди Пети там никого не было, Даша узнала от соседа, что Юра и Алла Сергеевна – муж и жена. Правда, гражданские. «Это когда без штемпеля в паспорте» – со знанием дела пояснил ей дядя Петя.

– Это ж какая разница в возрасте-то у них? – удивленно спросила Даша.

– Да какая разница! – оборвал ее дядя Петя. – Какая разница, если любовь промеж них.

Потом помолчал, почесал бок под голубой майкой, и повторил, больше для себя, чем для Даши:

– Любовь! Вот!

Алле Сергеевне было сорок пять, Юрику – двадцать пять. Они жили странно, как будто с другой планеты прибыли. На людях говорили мало, только смотрели друг на друга, и понимали все без слов. Почти никогда не участвовали в кухонных посиделках, которые устраивала Евдокия Дмитриевна, с пирогами и конфетами, с чаем глубоко за полночь. Все сидели, а они отказывались вежливо. Просто, им лучше всего было вдвоем, и они старались быть вдвоем. Иногда из-за плотно прикрытой двери в их комнату Даша слышала серебристый смех Аллы Сергеевны и смешной басок Юрки – видать, он что-то смешное рассказывал даме сердца.

С появлением в квартире Даши, Алла Сергеевна, по словам мудрой Евдохи, «погрустнела». Даша даже не сразу поняла, что Алла Сергеевна ревнует ее. А однажды она услышала, как Евдокия Дмитриевна тихонько говорит соседке:

– Да, не мучайся ты, Аллочка! Не похожа наша Даша на стерву...

Дашку как кипятком тогда ошпарило. Это что же такое-то? Алла Сергеевна своего Юрку к ней, что ли, приревновала?! Да он же... да старик ведь для нее!! Двадцать пять! А ей, Дашке, всего-то семнадцать! «Ну, дает эта Аллочка!» – подумала про себя Даша, а Юры стала сторониться.

Потом Алла Сергеевна поняла, что Дашка на ее сокровище не покушается, оттаяла, смотреть на Дарью как-то иначе стала.

Они очень дружно жили в этой своей питерской коммуналке. Даша быстро переняла у соседей их ленинградские привычки и говор, который отличался от ее северного, но не на много. О своем прошлом она почти ничего не рассказывала этим людям. Они хоть и стали близки, но не до такой степени, чтобы душу наизнанку выворачивать. Да и не к чему это было. Только раз, один-единственный, она открылась Евдокии Дмитриевне. Да и то в порыве, который, ну, никак сдержать не могла.

Была зима. Первая ее питерская зима. Снегу навалило тогда под самые окна первых этажей ее старого дома. Это потом зимы стали какими-то неестественно теплыми и бесснежными, а тогда все было нормально в природе, и Дашка радовалась, как в детстве. Она придумала оригинальный способ уборки этого снега. От лопаты, которая тянула ее к земле и оставляла занозы в ладонках, Дарья отказалась. Она лепила снеговиков. Мокрый ленинградский снег легко скатывался в большие и маленькие шары. Три шара друг на друге – один меньше другого, – и вот вам строгий страж на детской площадке. На голову – дырявое ведро с мусорки, угольки вместо глаз, а там, где нос – сломанная ветка от дерева. Да еще не пожалела красной гуаши из своих запасов – щеки и рты покрасила так – залюбуешься! К десяти часам утра, когда в жилконтору пришла начальница ее Клавдия Ивановна, на Дашкином участке стояло с десятков снеговиков. И снегу в окрестностях не было!

– Вот... это... Я подумала, какая разница, как снег будет лежать: в кучах или так?! – Дашка немного опасалась за свое рукоделие.

Но Клавдия Ивановна улыбнулась, и похвалила ее за смекалку.

А жильцы как были рады! Кинулись Дарье помогать: кто-то старый театральный ридикюль повесил одному снеговiku, кто-то вышедшие из моды деревянные бусы. И снежные «люди» зажили во дворе своей жизнью. А Дашка стала местной знаменитостью. О ней даже в газете написали, после чего во двор стали чуть не на экскурсию приходить.

В один из дней, когда Дарья, справившись со своими основными обязанностями, лепила очередного снежного жильца, в арке дома появился Борюсик, Борис Ефимович. Не часто, но он заглядывал к Дарье. Не столько в гости, сколько с законспирированной проверкой по наставлению Томочки:

– Борюсик! Юная барышня одна в незнакомом городе! Мало ли что и как – надо тебе проведать девочку.

Сама Даша изредка звонила им из жилконторы – в ее коммуналке телефона тогда еще не было. Но то, что рассказывала она – это одно. Тут доверяй, да проверяй! Поэтому раз в месяц Борюсик появлялся у Даши под каким-нибудь надуманным предлогом. То якобы лампу настольную старую в ее хозяйство пристроить, то покрывало на диван. Дарья дары принимала, так как ей один раз четко и грамотно объяснили: это нормальная человеческая помощь.

– У тебя комнатка пустая, а у нас – излишки. А мы хорошо знаем, что такое переезд и обустройство, правда, Борюсик?!

Спорить с Томочкой было бесполезно. Да Даша и не спорила. И спасибо им, помогли обставить ей ее норку «излишками» так, что у Даши стало уютно, и все необходимое для жизни было.

– Борис Ефимович, здравствуйте! – Даша улыбнулась.

– Здравствуй, Дашенька. – Климов как-то странно посмотрел на нее, и устало вздохнул. – Как ты?

– Я – хорошо. А вы? Борис Ефимович, что-то случилось? С Томочкой? С Володей?

Дашку было не провести. Она по природе своей была чуткой и интуитивной. Сразу поняла, что Борюсик к ней не просто поболтать – чайку попить. От него каким-то горем тянуло.

Он и в самом деле отказался от чаю. И сказал:

– Даша, я к тебе с плохими вестями...

Он мог и не договаривать. Она догадалась обо всем. Родители...

Она часто думала о том, что такой образ жизни до добра не доведет. И знала, что не далек тот день, когда все кончится. Иногда она казнила себя, называла бессердечной, призывала себя иметь милосердие к ним. Иногда порывалась собраться и поехать домой, забрать мать и отца, привезти их в Петербург, а тут вылечить, и...

Никакого «и». Никакого «и» уже больше никогда не будет. Дашка думала, что по отношению к родителям у нее все внутри давно очерствело, столько боли и горя принесли ей эти самые близкие люди.

А оказалось – нет. Ничего подобного! Оказывается, она жалела их и любила, просто боялась показать им это, потому что они в пьяном угаре не поняли б ее порывов. И себе боялась признаться, что это так. И сейчас, узнав от дяди Бори Климова, что родителей больше нет, она забыла про все свои обиды на них, про сломанное детство, и накотившееся на нее снежным комом большое сиротство хлынуло из глаз солеными слезами.

Климов гладил ее тяжелой горячей рукой по русой голове, которую Дашка уронила на сцепленные в замок до побелевших костяшек пальцы, и что-то говорил. Она слов не разбирала. Плакала. Потом вытерла рукавом глаза и нос, и, не глядя на Борюсика, сказала:

– Ехать надо...

– Не надо. Даша, это случилось две недели назад. Ты же понимаешь, нам не сразу сообщили. Пока в деревню, пока оттуда нам... Вот такой испорченный телефон. А ехать не надо...

Да, ехать ей было некуда. И не к кому. Подружка Люда и ее приятель Андрей Мурашов, тихонько поженились и уехали в подмосковный Жуковский. Там у Андрея жил дядя. С его помощью Андрей поступил учиться в какой-то крутой столичный вуз. Даша не очень поняла из Людкиного письма – в какой, но учат там чуть ли не на послов-дипломатов.

Была еще тетя Дуся, но ехать в их старый барак, где живет соседка, где все напоминает Даше о ее прошлой жизни. Нет уж, раз хоронить нечего, то и ехать незачем.

Родители Даши – Таня и Алеша Светловы – после хорошего подпития сгорели вместе со своей комнатухой в бараке. Видимо, кто-то закурил в постели. Так, во всяком случае, решил следователь. Да и то, правда: врагов у них не было, кроме себя самих. Угловая квартира Светловых выгорела быстро – только чудом удалось не пустить пожар в остальное жилье, вовремя заметили и потушили. Но хоронить фактически было нечего. И некому. Соседи соорудили на местном кладбище что-то вроде могилки, а потом пили три дня за помин души. И лишь спустя две недели кто-то догадался позвонить в сельсовет в бабушкину деревню Мурино. Там глава администрации Степан Мартынович сообразил, о чем речь идет и передал соседям Дарьиной бабушки весть эту, а они уж и позвонили в Питер Климовым.

– Не надо, Даша, никуда ехать. Помочь ты им уже ничем не сможешь. Раньше-то не могла, а сейчас им другая помощь нужна...

Даша поняла его. В этот же день ближе к вечеру собралась она в храм. Что делать – не знала. Знала, что сама крещеная – бабушка в детстве ее за ручку взяла, и в церковь отвела. Батюшка тогда еще сказал, что имя у Даши правильное, совпадает с каким-то церковным праздником.

Сама она в этом деле не очень разбиралась. Крещеная и крещеная. А тут как открылось ей что-то после Борюсиковых слов. Поняла сразу, какая помощь нужна ее непутевым родителям.

В храме Даша, краснея и заикаясь, спросила у какой-то старушки, что делать ей. Бабушка оказалась правильной и понятливой, направила к батюшке. Даша все думала о том, как рассказать чужому человеку о родителях, о жизни их не праведной, чтобы хоть более-менее приличными выглядели они в ее рассказе, а батюшку увидела, глаза его, руки, и полилось из нее все, как есть, вместе со слезами.

– Крещеные были родители твои? – спросил в конце ее исповеди отец Павел.

– Крест не носили, но крещены были – это точно.

Про то, как отца крестила, бабушка ей сама рассказывала, и от матери слышала, что ее тетка тайком от родителей в церковь водила, где крестили ее и имя дали – Таня. Дело в том, что от рождения она была наречена другим именем. Сумасшедшие, помешанные на Крайнем Севере, родители зафигачили ей имечко в своем вкусе – Челнальдина, что в переводе с тарбарского значило «Челюскин На Льдине». О, как! Родители ее безвылазно сидели на метеостанции, где-то на Таймыре, а Таню воспитывала тетка. Челнальдиной Таня была лет до трех. А потом тетка приложила максимум усилий и выправила племяшке новые документы. Так что в школу она пошла уже Таней. И только родители неизменно называли ее Челналдиной, или коротко – Челкой. В школе ее все так и звали – Челка и Челка. И в училище театральном тоже. Всем нравилось. К счастью, никто не знал его происхождения – уржались бы. Когда Таня со смехом рассказывала эту историю, все думали, что она так шутит.

Даша вспомнила эту историю про мамино имя, и у нее слезы навернулись на глаза...

Отец Павел совершил обряд заочного отпевания. Даша стояла со свечой в руке, горячий воск скатывался по ее пальцам, и боль потихоньку уходила из сердца. Она по-детски успокаивала себя: «Им там хорошо, моим мамочке и папочке. Ведь там нет водки...» И еще подумала о том, что есть какой-то знак в том, что ушли они в иной мир вместе. И впервые от слова «любовь» ее не передернуло...

А за вечерним чаем, который организовала Евдокия Дмитриевна, Дарья вдруг стала рассказывать соседке горькую историю своей жизни. Они засиделись на коммунальной кухне допоздна вдвоем. Алла Сергеевна и Юра, которые крайне редко составляли соседям компанию, в этот день и вовсе отказались от кухонных посиделок – видели, что Даша пришла заплаканная. В душу к ней не лезли, просто сослались на занятость. Дядя Петя на скорую руку перекусил, и поспешил в свою комнату – к телевизору. Тоже, видать, почувствовал, что не до него. И Даша слово за слово разговорилась.

Евдокия Дмитриевна слушала не перебивая, не «ахая» и не «охая», не давая своих оценок событиям Дашкиной жизни, интеллигентно помалкивая, чем расположила к себе Дашу еще больше. А когда расходились на ночлег, сказала:

– Ты не казни их, особенно сейчас. Родителей не выбирают. Они жизнь дали тебе. Вот и живи не как они, а разумно. И счастливо.

– Да где бы его взять, счастья-то... – горестно, как старая бабка, возразила Даша.

– «Где взять»... Самой строить!

А по весне Даша познакомилась с художниками. Они жили в огромной квартире – бывшей питерской коммуналке, прямо под самой крышей. Окна в той квартире были маленькие, округлые сверху, потолки низкие, паркет высох и «пел» под ногами на разные голоса. Даже при дефиците жилплощади, эти хоромы не привлекали никого, и были отданы под мастерскую художника Ивана Сурина. Ваня был личностью не заурядной, и вокруг него кучковались парни и девушки, которые готовы были ему кисти промывать и грунтовать холсты, Да что там! Даже варить для Вани супы и каши, и стирать его уделанные краской портки, лишь бы рядом быть.

Сколько Сурина было лет, не знал толком никто, да и он сам, наверное, тоже. Заросший от макушки до пяток густой шерстью, Ваня был похож на неандертальца. Клочковатая шерсть торчала из прорех на застиранной тельняшке не только на груди, но и на спине, на боках и на плечах, из чего можно было сделать вывод, что на Ване нет живого места, вернее, не волосатого. Буйную гриву Ваня затягивал в конский хвост, а иногда его многочисленные поклонницы сооружали из нее прически, украшая Ванину голову цветными побрякушками-заколками.

Но при всем при этом Ваня был человеком уважаемым, и его периодически приглашали на разные тусовки. Где речь сказать, где живопись свою выставить. Тут уж Ваня, дабы не ударить в грязь лицом, наряжался в выходной костюм, доставал из-под дивана гору не стиранных носков-бумерангов, обнюхивал их старательно, выбирал те, что воняли меньше, не всегда попадая в пару. С носками была вечная беда. Зато с галстуками все было зашибись! Галстуков у него было штук сто. Это при том, что галстуки были подарками на все случаи жизни, причем, как мужчинам, так и женщинам. Ваня дарил галстуки на дни рождения, свадьбы и календарные праздники. И этого добра у Вани меньше не становилось, так как ему тоже дарили исключительно галстуки.

– Они думают, что я их коллекционирую! – беззлобно ворчал Ваня, перебирая прорву разноцветных змеиных шкур, развешанных на гвоздях, коими утыкано было нутро шкафа.

Вот такого Ваню и повстречала первый раз Даша, когда ее отправили разобраться с протечкой: из Ваниной мастерской регулярно текло на соседей вниз. Ваня рассеянно выслушал Дашу, переспросив пару раз, кто она такая. Потом небрежно кинул двубортное драповое пальто с правой руки на левую, и сказал:

– Хорошая моя! Я щаз разбираться не могу! Я щаз еду в Смольный! Найдите Свету, она вам покажет, что на сей раз никто не виноват, никто не уснул в ванне и не засрал раковину жиром. А вот фановую давно пора менять! И я вам советую ее посмотреть. И рассказать вашему начальству, что приличные люди тут совсем не при чем!

И Ваня застучал каблуками вниз по лестнице, ругая на ходу ЖКХ, местный ЖЭК и всю страну. А Даша позвонила в дверь, за которой гремела какая-то дикая музыка. Дверь тут же распахнулась. На пороге стояла девица, босиком, в какой-то полупрозрачной накидке, под которой были только маленькие полоски типа купальника-бикини. Считай, девица без ничего была!

Глаза у нее страшно косили и были разного цвета, отчего мордашка была презабавной. В тонких пальцах с длинными ногтями алого цвета она изящно сжимала длинный мундштук, в котором дымилась длинная тонкая сигарета. И вообще, все у нее было какое-то длинное-предлинное. Ноги, волосы, нос.

Девица посмотрела сквозь Дашу, в пол-уха выслушала про протечку, про жалобу соседей снизу, про то, что Дарье нужно осмотреть ванную и туалет. Потом посторонилась, пропуская

ее в квартиру, вымолвив только одно слово в ответ – «бред!», в котором было, по крайней мере, штук десять букв «р», и поплыла за Дашей по длинному коридору, спотыкаясь босыми ногами о какие-то банки, тряпки, доски и тарелки.

– Тарелки-то почему на полу? – удивленно спросила Даша, обернувшись на ходу к девице.

– А где им быть, если их тут поставили?! – девицу, похоже, вопрос Дарьи рассмешил, она хохотнула себе под нос.

«Логично, – подумала Даша, – если их тут поставили, то где им еще быть???»

Девушка пошарила по стене, щелкнул выключатель, и Дарья увидела перед собой две узкие, освещенные тусклыми лампочками, норы. В одной в самом конце у стены, выкрашенной жуткой синей краской стоял покосившийся унитаз. Вдоль стены выстроились в рядок кошачьи горшки, над которыми висели коммунальные «сидушки» для унитаза – всех цветов и фасонов. Хозяева их давным-давно съехали в новые квартиры, побросав тут ненужное барахло.

– Котиков держите? – полюбопытствовала Дарья, кивнув на кошачьи туалеты.

Света с удивлением на нее посмотрела, не сразу поняв вопроса. Потом чуть не поперхнулась дымом, сказала:

– С ума сошла? Какие котики??? Чем их тут кормить???

Дарья поняла, что и кошачьи корытца из той, прошлой жизни. А в этой у обитателей мастерской только покосившийся на один бок и проржавевший от времени сантехнический прибор, да гвоздь в стене, на который был наколот рулон дорогой туалетной бумаги.

В ванной было не лучше. Само корыто, желтое от ржавой воды, с подтеками от химических средств, что используются против ржавчины, стояло чуть не посреди помещения. Над ним выгнулся дугой допотопный душ, «голова» которого запуталась в паутине старых провисших веревок для сушки белья. Пол был заставлен ведрами и тазами, с замоченным бельем, тряпками и даже старыми кроссовками.

– Как же вы тут живете? – спросила Даша, оглядев санузел. Что, правда, то, правда – хозяин мастерской не соврал, потопа у них не было. А вот по всей длине фановой трубы шла трещина, которая уходила к соседям с нижнего этажа. Через нее, видимо, и текло на соседские головы.

– Прекрасно живем! Ты чай будешь?

Даша кивнула утвердительно, и тут же испугалась: какой чай?! Наверняка ведь и кухня в этой нехорошей квартирке такая же дикая, как санузел. Но кухня оказалась чище, и веселее – из-за окон и цветастых занавесок на них. Под потолком качался старый оранжевый абажур с кисточками. Точно такой был в комнате у тети Дуси в бараке, где жила Даша, и все обитатели барачного пристанища завидовали соседке. Абажур был предметом роскоши, и не выходил из моды.

К чаю Света достала баранки и сахарницу. Ложки и чашки с блюдами были чистыми, и Даша присела на краешек табурета.

– Тут же, вроде как не дом совсем, – рассказывала Света, заваривая чай в чайнике с отбитым носиком. – Дом у нас у всех есть. Но эта Ванина обитель нам всем дороже дома.

– А можно картины посмотреть? – попросила Даша.

– Можно. Отчего ж не посмотреть?! Бери чай и пошли в зал.

«Залом» Света назвала самую большую комнату, совершенно пустую, если не считать одинокого венского стула с гнутыми ножками у окна и засохшего цветочного букета в трехлитровой банке на подоконнике. Стены были завешаны картинами в рамах и без.

– Смотри! Это все Ванькины. Тут, конечно, не все! Но это наше лучшее и любимое. Ванька эти работы никому не отдает!

Света села по-турецки на низкий широкий подоконник, затянулась новой сигаретой, выпустила дым тонкой струйкой, и блаженно прикрыла глаза. И дальше вешала вот так, не меняя позы, слегка раскачиваясь, не открывая глаз.

– У Вани удивительное чувство цвета. Вот смотри, как синяя чашка на столе отражается в луже разлитого чая, и как все это смотрится в зеркальном боку самовара. Вроде бы одна и та же чашка. Но вот она с оттенком чайного цвета. А вот – в самоварном золоте. И как он этого добивается – знает только он, Ванька Сурин. Нам всем учиться и учиться у него. Да и нет смысла. Не догнать! Ванька – кто? Талант!! А мы ...так... подмастерья...

– Света, а вы пробовали?

– Хм... «Пробовала»... Да я в академии училась! Правда, малость не закончила. Чего такое в мозгу ударило, жизнь какая-то лихая закрутила, ну, я и ...отдала ее Ваньке! И не жалею...

Даша просидела у Светы чуть не до вечера, слушая ее рассказы про Ванькину жизнь, про выставки и домашние презентации «для своих».

– Ты приходи! – разрешила ей Света, провожая в прихожей, где Даша старательно обошла расставленные на полу тарелки. – Это мы приберем все. Сейчас девки придут, Лизон с Шурушком и уберут все! А уродам этим скажи, что не от нас протечка! А то взялись, чуть что, на нас все валить! Ну, давай, целую нежно!

Света проводила Дашу красивым воздушным поцелуем, и захлопнула двери. Спускаясь по лестнице, Дарья слышала, как Света запела. Вернее, это была просто музыка без слов. Словами было Светино завыванье, будто ветер пробежался по трубе.

А Дашка на следующий день пришла снова. Света была не одна. Даше открыл парень, светленький, в круглых очочках, похожий на кролика из мультфильма. И фамилия у него была соответствующей – Зайчик. Это уже потом Дашка фамилию узнала, и обрадовалась: до чего ж она подходила этому мультяшному кролику!

– Сеня! – сунул ей «кролик» маленькую ладошку.

– Даша.

– Будешь Даней! – и заорал благим матом куда-то вглубь квартиры. – Народ! Валите сюда! Я вас с Даней познакомлю!

Народ, и, правда, повалил из всех углов. На Дашу посмотрели все обитатели мастерской. Кто просто кивнул, кто к ручке приложился. Последним выплыл из дальней комнаты Ваня Сурин.

– Дык... мы того... знакомые! Ты чего, опять из-за протечки?! Я ж объяснил – не мы засрали трубу! Мне что, пойти всем там глаз на корпус натянуть?! Я могу, раз слов не понимают!!!

– Ваня! Ты что разошелся?! – высунула нос из кухни Света. – Это Дашка! Нормальный человек. Человек, понимаешь?! (У Светы получилось «челаэк») А не какая-то там Марь Иванна из ЖЭКа. Проходи, Даш, Ваня не в духе сегодня. Иди, Ваня, поспи, поешь, но не отсвечивай тут и не ори! Сенька, девочку введи в курс дела, что тут и как!

Сеня, спрятавшийся было куда-то в лабиринт коридора от грозного рыка Вани, мгновенно выскочил из укрытия, помог Дашке снять куртку и повел ее по мастерской.

– Я сейчас тебе свое покажу. Скажешь, как тебе, ладно? А то некоторые тут орут – «мазло»!

Даше Сенино письмо тоже как-то не пришлось по вкусу. Чудовища с гребнями на головах, уродцы шестиногие и семиглазые, и все это в диких красках. Нет, Даше это было совсем не понятно. Но сказать вслух не смогла, и на Сенино «Ну, как?», кивнула головой и промычала – «Интересно...»

– А я что говорю??? Я им всем говорю – это вот самая истина. Это вот мы такие, и жизнь наша такая. А реализм – бабушки, там, с палочками, пионерки в сандаликах и с эскимо на палочке – это все полная хрень, на палочке... Я такое тоже могу. Могу! Не веришь? Пошли мою папку с эскизами посмотрим. Пошли-пошли!

– Сеня! Ты что человека напрягаешь, а?

У Светы опять получилось «челаэка», видимо, она так говорила это слово всегда.

– Сеня, тебе все верят, и не надо никого напрягать. Потом покажешь ей свой реализм. И уродов своих хватит демонстрировать. Нравится писать такое – пиши, но никого не агитируй. А то опять на Ванино «Прости, нечаянно!» нарвешься!

Сеня послушался и от Даши отстал. Но еще несколько раз подходил к ней за какими-то мелочами, что позволило Свете в конце дня сказать, хитро заглянув в Дашкины глаза:

– А Сенька на тебя запал! Нормально. Он парень хороший, правда, со своими тараканами... И тараканищами...

Что это значит – Даша узнала потом. А сейчас ей пока это было и не интересно. Какая разница, какие у человека тараканы, если она просто дружит с ним?

С Сенькой было прикольно. У Дашки нарядов никаких особых не было. Деньги, что остались от продажи бабушкиного дома, Дашка не трогала на глупости, зная, что случись что, никто ей не даст ни рубля. Так что это был ее НЗ. Одевалась и кормилась на дворничью свою зарплату. Много на нее не разгуляешься. И потому Дарья носила старенькие джинсы и свитера с вытянутыми рукавами и воротом типа «труба».

Сенька был, как и Даша, одинок в этом городе, который не очень-то принимал пришлый люд. Он приехал в Питер из-под Пскова, где у него остались родители и куча братьев и сестер. Ни о какой помощи из дому и речи быть не могло. А Сенька еще и категорически отказывался «молотить на государство», и никакой комнатой, которую мог бы по лимиту получить, его было не соблазнить. «Лимиту» Сенька презирал. Это Даша сразу поняла.

– Ты дворником трудишься за комнату что ли? Лимита что ли? – спросил Сенька, и Даша уловила в голосе что-то такое, что заставило ее прикусить язычок и правду не выдать.

– Нет! Ты что! Я местная! Вернее так: корни у меня питерские. Просто я родилась на Севере. У меня бабушки-дедушки знаешь кто? Полярники! Метеорологи! Они тут почти не жили. Все больше на Таймыре. А тут комната была. Вот она мне и досталась.

– Везет тебе! – оценил Сенька, и Даша поняла, что сказала все правильно. Она уже слышала «Понаехали тут!» от ухоженных старичков, и от тетенок, которые и сами-то в недавнем прошлом были из «понаехавших», просто тщательно заполировали это прошлое, забыли, из каких псковско-новгородских деревень приехали покорять Петрову столицу. Забыли или сделали вид, что забыли, как жили в рабочем общежитии, вставали в шесть утра и пилили на другой конец города на трех-четыре вида транспорта, и гнули горб с утра до вечера на стройках, чтобы через десяток лет получить квартиру, уехать из «общаги» и навсегда забыть свое лимитированное прошлое.

Вот Сенька и не хотел приобщаться к армии питерской лимиты ни за какие коврижки.

– Чем же ты живешь? Как бабки зарабатываешь?

– Да как все наши! – Сенька свистнул. – Дел хватает...

Уклончиво ответил. Карты раскрывать не хотел, потому что приходилось ему порой заниматься делами, очень далекими от тех, какие он любил. Да и жить было негде. Спасибо Ване и всей этой гоп-компании, с которой судьба столкнула Сеню год назад. Его приняли в команду, как принимали туда всех, кто приходил и что-то делал на общее благо. У Вани можно было поесть и заночевать – квартира огромная. А если еще принесешь раскладушку, как это сделал Сеня, то, считай, обеспечен спальным местом надолго.

Раскладушкой Сенька разжился на чердаке, видать, бомжи там когда-то жили, а потом по какой-то причине насиженное место оставили. И раскладушку тоже. У нее порой подламывались ноги-дуги, и на растянутых пружинах брезент вытягивался чуть не до пола, но все едино лучше, чем просто на полу.

Одеяло, подушка и белье – это уже Ванин презент. Этого добра у него было предостаточно.

Надо сказать, что у Вани имелась маменька – чистенькая питерская старушка, которой Ваня вполне мог во внуки сгодиться. Просто, у Нины Васильевны детишек было не меряно, а Ванька – последний, и самый непутевый. И было его Нине Васильевне жалче, чем всех остальных. Хотя, «непутевый» – это по ее собственному определению. Из-за того, что у сорокалетнего сынка не было семьи нормальной, и сам он иной раз маменьку шокировал своими выражениями и нарядями. На самом-то деле Нина Васильевна сынком гордилась. Про него и в газетах писали, и по телевизору несколько раз показывали. Огорчало только, что Ванька дома не жил, а ошивался с гольдубой какой-то в мастерской на Обводном.

С гольдубой этой Нина Васильевна познакомилась. Люди только внешне были чудненькие, а вообще-то душевные и добрые. И Светка, которую Ванька отрекомендовал как «невесту», Нине Васильевне тоже понравилась. Ну, еще б причесать ее, лахудру! Но они нынче все такие вот, не чесанные! И в позорных штанах, что с задницы спадают. У Ваньки ее тоже такие – брюхо волосатое поверх ремня. Мать шикнула на него, мол, негоже при дамах так, на что Ванька заржал, как конь, объяснил что-то про моду, и мать отступилась.

Маманя Сурина, побывав в Ванькиной мастерской, произвела дома ревизию, да потрясла детишек, и Ванька получил приданое – гору подушек, несколько одеял-покрывал, и чемодан постельного. Не нового, но приличного и крепкого. Так что, «пятизвездочный отель» Вани Сурина, как называли мастерскую между собой ее обитатели, был вполне приличной ночлежкой для художников, непризнанных гениев, поэтов, каких-то патлатых музыкантов, и гостей

всех мастей, которые за счастье считали подержаться за кисти, которыми писал сам Ванька Сурин.

У Вани в обители можно было крепко выпить, можно было даже пяток дней бухать, ежели у кого потребность такая была. Ваня против выпивки ничего не имел. Сам он был такого могучего роду, что свалить с ног этот волосатый организм можно было лишь спиртом. Но спирт Ваня не пил. Он интеллигентно употреблял коньяк и виски, и обитателям «отеля» пытался культуру эту прививать. Но тут было сложно все. Гости к Ване являлись самые разные, чаще всего взросшие на дурном современном пиве и баночных коктейлях, от которых лично у Вани начиналась зверская изжога. Поэтому его было не соблазнить этой гадостью. Но другим не мешал.

Единственное, против чего Ваня выступал резко и готов был «дойти до смертоубийства» – по крайней мере, обещал! – это были наркотики. Всех подозрительных Ваня самолично проверял на наличие следов от иглы, заглядывал в глаза изучающе, и были случаи – гнал гостей к чертовой матери!

– Мне конфликты с ментами и властью на фиг не нужны! Это раз! – грохотал Ваня страшным басом, объясняя непонятливым свою позицию. – И наркота – это оружие истребления нации, причем, лучшей ее – творческой – части. Это два! Поэтому, кто не согласен – гутен на хер на выход!

Ваня объяснял все доходчиво, и посему никто не рисковал ослушаться. «Траву» втихаря курили – бывало такое. Но остальное – ни-ни!

Когда Сенька первый раз показал Ване свои работы, Сурин внимательно взглянул на парня, взял его за подбородок крепко и посмотрел глаза на свет.

– Ты это все не в дурке писал, парнишка? – спросил Ваня подозрительно. – Эт что за шестикрылый семих...?

Ваня осекся.

– Шестикрылый семиуйх???

– Не, ну, это иное измерение, срез с общества, – замямлил Сеня.

– Короче, больше не показывай мне этот срез, понял? Я в этом не копенгаген. У меня, видишь, все просто. Вот очередь за водкой в перестройку, вишь, мужика придавили дверью, и он орет там? Вишь? Вот если ты сейчас вопль его слышишь так, как слышу я, то это и есть искусство. Или вот баня деревенская. Не сауна с девками! Следи за мыслью! А баня! Деревенская! В которой и мужики, и бабы! Но мысли у них, не как в саунах этих ..., а чистые и светлые. Улавливаешь? И это тож искусство. Да, у бабы на переднем плане задница, как столешница! Дык, это ж реализм! А у тебя, прости господи, шестикрылый семиуйх! Это кто??? Если зверь сказочный, так он добрым должен быть. Даже баба-Яга – добрая баба, и Змей-Горыныч не злой музчинко. А это – тьфу! Не, Сеня, ты можешь думать, что это искусство, но ты с этим далеко не уйдешь. И не продашь ни фига.

– Я уже одну картину продал. – неуверенно пискнул Сеня.

– Ну, и что и кому ты продал?

– Я по сюжету одного «нового русского» написал. Там, типа, преисподняя, нечисть разная. Кто без рук и без ног, кто с одним глазом. Он сказал, что мир таким видит, и хочет, чтоб в спальне у него висела такая картина, – робко объяснил Сеня.

– Тьфу ты, задавись! Мир он таким видит! Да он наворовал бабла, и теперь ссыт кипятком, что друганы его порвут на части. Оттого и мир ему не в ромашках с бабочками видится, а в дерьме сплошном. Да еще в спаленку тако дерьмо, чтоб не спать, а дрожать под одеялом, потому как от такого произведения на стене не до сна и не до сексу! Ты, Сеня, ишо дурак. – Ваня любил в речь свою вставлять старорусские словечки типа «ишо», «надысь», «кубыть» и прочие. У него это получалось смешно и ласково, но порой не понятно было, что он в виду имел. – Кубыть, у тебя дурь твоя выветрится, и может чего доброе останется. Но мой тебе

совет: с чертовщиной этой завязывай. А нет – то мне не показывай. Я тут тебе не «новый русский», не заценю. Я просто русский, Сеня. И люблю самовары, баню, баб красивых, цветочки разные, и чтоб все в реализме.

Сеня к Ване с сюжетами своими сумасшедшими больше не лез. Все больше техникой интересовался. Любил смотреть, как Ваня мазки кладет на холст. Дашке же больше по душе была содержательность картинок. Увидев первый раз с помощью Светы, как дорожит Ваня каждой мелочью, каждой самой не значительной деталькой, она научилась угадывать задуманное художником, услышала, как кричит придавленный дверью в очереди за водкой.

Ваня это понял. К Дашке проникся. Не гонял ее, когда она часами стояла за его спиной с открытым ртом, глядя на то, как оживают персонажи на Ванином холсте.

– Дашка! Рот закрой! А то ворона, але что ишо хуже, залетит! – проорал ей однажды весело перемазанный краской Ваня Сурин. – Бери кисть, пиши. Дозрела уже.

– Я не умею! – пискнула Дарья.

– Не ври! Все умеют. Просто тот, кто не делает этого, тот и не знает – умеет ли... Это как в детстве! В детстве ведь все рисуют, правильно? Вот и вспомни, как ты это делала.

– Я, Вань, в детстве любила фантики копировать. Но меня никто не учил, сама. – Дашка вспыхнула. – И ведь получалось!

– А я что говорю! Давай, пиши!

И Дашка взялась за кисть. Она нарисовала картинку, которую хорошо помнила с детства. Девочка держит конфетку, дразнит щенка. Фантик от конфет «А, ну-ка, отними!» Получилось красиво.

– Сказочно! – оценил Ваня Сурин. – У тебя дар! Пиши вот такие штучки, попробую их куда-нибудь пристроить...

Так у Дашки появилось занятие, которому она отдавала все свое свободное время. А еще в ее жизни появился Сенька. Даша боялась сама себе признаться, что влюбилась в этого смешного мальчика-кролика с фамилией Зайчик. Сенька стал бывать у Даши в ее камерке на первом этаже, и даже как-то попытался там остаться на ночь, но Дарья на правах хозяйки жилья настойчивого кавалера выпроводила. И потом не спала всю ночь, ворочалась, как медведица, не понимая, что с ней происходит.

– Так это любовь! – уверенно сказала ей Света, когда Дашка раскололась и рассказала, что Сеня порывался остаться у нее, а она выгнала его, а потом мучалась, до утра глаз не сомкнув. – А что выгнала-то? Не нравится?

– Сеня? Ну, что ты, Свет! Он мне очень-очень нравится. Но как его оставлю?

– Не поняла. Ты у нас что, девушка что ли?!

– Да.

– И у тебя никого-никого не было???

– Нет.

– Батюшки светы! Я такого не встречала уже лет двести! Вань! Ты слышал? Дашка – девица, а Сенька-то ведь думает совсем иначе!

– Тише ты! Зачем Ване знать эти подробности, – покраснела, как рак, Дашка.

– Затем! Ваня Сене хвост прижмет, чтоб он не очень-то...

– Свет, да он и так не очень-то...

– Не обижает? – сурово спросил Ваня Сурин, выползая в кухню в рваной тельняшке и стоптанных тапочках, из которых торчали босые Ванины ноги. – Я его малость причешу. А то давай, выходи замуж! На свадьбе погуляем!

– Что ты, что ты! Какое «замуж»??? Я пока не собираюсь...

Наверное, Ваня все-таки провел с Сеней беседу, потому что он стал относиться к Дашке еще более трепетно и нежно, чем покори́л ее окончательно. И Дашка перестала думать о том, что любовь – это что-то грязное и разнузданное, совершаемое по пьянке, не скрываемое перед детьми, соседями и друзьями. И ее отпустило. И была у нее с Сеней Зайчиком восхитительная ночь, которая сблизила их уже не как друзей, а как любящих друг друга людей. И Сеня прижился в Дашкиной квартире, и на него уже не косились подозрительно соседи. И Даша сказала всем, что, наверное, она выйдет за Сеню замуж...

Все рухнуло в один день. Даша с утра сказала Сене, что поедет к Климовым помогать Томочке и Борюсику мыть окна. Они ждали Володеньку в отпуск и совершенно не успевали привести в порядок квартиру. А молодой Климов еще сообщил, что привезет маме и папе невесту. И по этому поводу у Томочки была тихая истерика. Борюсик утешал ее, предлагал вспомнить, много ли пыли она разглядела в свое время в квартире его родителей, когда он привел ее знакомиться, но на Томочку это не действовало. Она сама крутилась, как белка в колесе, и Бориса Ефимовича трудоустроила по полной программе.

Он все это рассказал со смехом Даше по телефону, и она, конечно же, вызвалась помогать.

– Зайчик! – прошептала рано утром в воскресенье Дашка в теплое ухо Сене, который еще спал, и просыпаться не хотел. – Я уехала, Зайчик! Завтрак на столе. Вернусь поздно.

Сеня мыкнул в ответ что-то нечленораздельное и повернулся к стене. Даша с любовью посмотрела на его всклокоченную макушку, торчащую из-под одеяла, вздохнула: «Натуральный зайчик! Беленький и пушистенький».

У Климовых подготовка к встрече сына и будущей невестки шла ни шатко, ни валко. Томочка, вместо того, чтобы просто быстро прибраться, развалила все углы, пытаясь сделать генеральную уборку. В итоге, в прихожей возникла куча незапланированного для стирки белья, на которое надо было пришить метки и отнести его в прачечную – дома тогда большое белье нормальные люди не стирали. Эту работу – метки пришивать – Томочка взвалила на Борюсика:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.